Интервью старшего следователя по особо важным делам при Председателе СК России Улади Уладиева газете "Московский комсомолец"

Улади Уладиев: «Лично у меня такой принцип: есть сомнение — значит, нужно доработать, докопаться до истины»

Все самые сложные и резонансные уголовные дела ложатся на столы следователей Следственного комитета России. В этом относительно молодом ведомстве есть своя строгая иерархия, и элитой по праву считаются следователи при Председателе СК России. Таких профессионалов всего 21 человек на всю страну, у каждого свой уникальный талант и знания.

Один из них — старший следователь Улади Уладиев, имеющий очень весомый авторитет, который ему удалось заслужить мастерским раскрытием сложных террористических дел.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

Накануне профессионального праздника работников Следственного комитета РФ (он отмечается 25 июля) в эксклюзивном интервью Уладиев рассказал «МК» о своих профессиональных приемах, позволяющих подобраться практически к любому преступнику.

Улади Уладиев — следователь, как он сам говорит, с прокурорской закалкой. Карьеру начал еще в 2001 году. Участник боевых действий событий 1999 года, затем начинал с должности районного следователя в Дагестане. В 2018 году Указом Президента РФ был назначен на должность старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета РФ. Уникальность Уладиева признают во всех ведомствах и службах. Его имя называют в числе тех, кто «зачистил» Дагестан, а затем и весь Кавказ, от террористов. Но в послужном списке Уладиева есть сложнейшие дела самой разной направленности.

«На моем счету три предотвращенных теракта»

— Как вы стали следователем при Председателе СК?

— Все просто — работал так, чтобы руководство признало: я заслуживаю этой должности. Чтобы вопрос «почему он?» не возникал ни у кого.

— Что для вас главное в профессии?

— Профессионализм. Но наличие личных качеств тоже очень важно. Люди к нам не идут с удовольствием. Они приходят уже настроенные на агрессию — тут погоны, власть, уголовное дело, страхи… Человека нужно переломить. Когда человек приходит на допрос, нельзя его сажать, включать компьютер и начинать допрос. Нужно с ним поговорить, нужно самого человека тоже понять. Такое умение приходит со временем. Надо уметь слушать. Тут важны и мимика, и риторика. Выбрать правильную тактику помогает наблюдение за человеком. Имеет значение даже то, как он сядет на стул, как он с вами поздоровается. Ты подстраиваешься под эту беседу так, чтобы не было конфликта, потому что конфликт к результату не приводит. Самое главное — когда люди видят, что мы все равно своей цели добьемся. За много лет я понял, что со всеми возможно найти общий язык.

— Расскажите о своих самых сложных «собеседниках».

— Много террористов было, должностных лиц, сотрудников, обычных людей. Почти у всех сначала одна установка: «Я ничего не знаю, мне вам нечего сказать». А когда они уходят, остается огромный протокол допроса. Однажды у меня сидел под стражей человек, которому вменяли десяток посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов и теракты. Чтобы вы понимали: когда человек становится боевиком, он уже попрощался с жизнью. Он не боится никого и ничего, он мечтает умереть. С тем обвиняемым удалось установить грамотный психологический контакт, через несколько месяцев дело уже готовили к передаче в суд. И тут этот террорист вдруг выдал: «Я хочу вам рассказать, что было одно убийство сотрудника —

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

это совершил я, и со мной были такие-то люди». А я ему: «Почему ты решил мне это рассказать?» Он отвечает: «А я вижу, что вы правильный человек. Я выбрал свой путь, я шел по своему пути, раз меня поймали — это моя вина. Вы меня поймали, вы работаете, я вижу, как вы работаете. Принял решение, что я хочу вам признаться». И он дал признательные показания.

— Можете назвать его имя?

— Это Саидов Ильяс, его уже осудили. Это было огромное дело, в него входили десятки эпизодов, в том числе большое количество терактов в Дагестане, подготовка теракта на Красной площади 31 декабря со смертницей Зейнаб Суюновой. По этому делу мне удалось установить контакт с каждым обвиняемым.

— Но ведь люди могут и оговорить себя, и кого-то выгораживать...

— Любое сомнение трактуется в пользу обвиняемого, подсудимого. Лично у меня такой принцип: есть сомнение — значит, нужно доработать, докопаться до истины. Мы не имеем права рисковать или ошибаться. Ведь если человек в результате такой ошибки попадет в СИЗО или тюрьму — неважно, на день, месяц или год, — никакими реабилитациями ему потом это время не вернуть.

Часто случается так, что во время такого вот кропотливого расследования попутно узнаем про другие преступления.

— Но, по сути, это ведь заслуга оперативных служб?

— Во многом да. Но есть много дел, не раскрытых органами дознания, которые раскрываются в ходе допроса, в ходе экспертизы, то есть следственным путем. Мой личный рекорд — это три (!) теракта, предотвращенных именно следственным путем, когда задержанные в ходе допросов на второй, на третий день говорили: «Мы заложили взрывные устройства там-то и там-то».

— Расскажите, пожалуйста, подробнее.

— Получил информацию о том, что два человека готовят в Дагестане теракт, мгновенно предоставил результаты в ФСБ. Я буквально бежал из СИЗО «Лефортово», где встречался с обвиняемым, чтобы быстрее передать эту информацию. Разослал письма в МВД и ФСБ о том, что готовятся такие-то теракты такими-то людьми при таких-то обстоятельствах и условиях. Благодаря этим данным этот теракт не унес жизни людей. Предотвратить совсем не удалось, найти террористов было невозможно. Но удалось избежать жертв. Каждая спасенная жизнь — это огромный результат.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

Был и другой похожий случай. Мы из Дагестана привезли человека, дней пять он находился у нас в СИЗО, я ежедневно с ним с утра до ночи общался; и вдруг он говорит, что в таком-то месте на такой-то дороге они заложили бочку взрывного устройства. Бочку! Закопали в землю и ждали проезда военнослужащих. А там горная проселочная дорога. Подрыва не было только потому, что ждали большую колонну. Тут же направил информацию туда, все перерыли и предотвратили взрыв.

Также мы с коллегами раскрыли убийство духовного лидера Дагестана Саида Чиркейского, который погиб вместе с еще шестью людьми в результате подрыва смертницы в 2012 году. Долгое время следственное управление Дагестана расследовало это преступление совместно с ФСБ — не получилось. Мы забрали дело и параллельно раскрыли также другие теракты и убийства, а также похищение в Московской области коммерсанта, похищение одного из руководителей подразделения «Русгидро» в Дагестане. Цепочка целая образовалась.

— Кажется, что это почти невозможно…

— Сначала добились того, что первая же задержанная тройка на второй день давала подробные изобличающие показания. Мы восстановили картину пошагово, до мельчайших деталей – если можно так выразиться, на молекулярном уровне. Представьте себе, террориста подвозил таксист примерно год назад, и мы нашли даже этого шофера. Выявили всех членов этой группы, которые, казалось, никак не были с ней связаны. Это десятки легальных (так террористы их называют) людей, о которых никто никогда не догадается, что они состоят в каких-то бандах.

«Гибель детей для меня личная трагедия»

— Экстремизм, терроризм, убийства… А потом в какой-то момент вам поручают расследование трагедии в детском лагере на Сямозере. Как это получилось?

— Я следователь многопрофильный. Хотя терроризм и экстремизм — это мой конек, расследую очень много разных преступлений. Без ложной скромности скажу, что меня привлекают, когда нужно сделать все возможное и невозможное, чтобы прийти к истине. И Сямозеро мне было поручено тоже именно по этой причине. Наши коллеги на месте определенно сделали огромную работу, но им просто не хватило опыта. И знаете, нет ничего сложнее, чем расследовать то, что до тебя кто-то расследовал. Это когда один хирург начинает операцию, а другой завершает. Это сложнее, чем с нуля начать. В деле с Сямозером мне оставалось около 4 месяцев до окончания сроков, установленных законом для расследования. В противном случае пришлось бы отпускать обвиняемых. Мне было сказано: «Нужно перевернуть все». Потому что насчет некоторых обстоятельств были сомнения.

— Вы работали на месте, в Карелии?

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

— Я провел там, наверное, около года. Ездил туда-сюда постоянно. Могу вам точно сказать, что около четырех месяцев мы практически жили в кабинетах. Иногда раз-два в неделю на ночь попадали домой, чтобы переодеться, переобуться, искупаться и вернуться на работу. Труд был проделан колоссальный. Это ведь не убийство, когда есть понимание, что произошло. Это в том числе анализ огромного количества документов.

— Что в этом деле изменилось с вашим приездом?

— Гибель этих детей для меня стала личной трагедией, хотя многие считают меня черствым и строгим человеком. Когда я открыл протокол осмотра места происшествия и увидел фото тел, я без содрогания на это смотреть не смог. И поверьте, не будет следователь хорошим следователем, если он не умеет сопереживать. Но минус в том, что это приводит к безумным физическим и психологическим трудностям и нагрузкам. Дело о трагедии на Сямозере на меня так повлияло, что потом я попал в больницу — рухнул в обморок, и меня прямо из кабинета госпитализировали. За неделю поставили на ноги.

— С какими еще сложностями вы столкнулись?

— Я был удивлен, какое противодействие нам оказывается. Предполагаемые виновники пытались себя оправдать, люди включали самые разные ресурсы. У них не было ничего святого. Александр Иванович Бастрыкин на совещании лично потребовал от меня довести все до логического завершения — не отступиться ни разу, несмотря на любые должности, на любые звания, на любые фамилии и имена. Мы не могли провести очень важную экспертизу, которую делали только в одном учреждении (не стану его называть по понятным причинам). Там были замешаны очень высокие чины. Они делали все возможное, чтобы ее не проводить, и просто провалили исследование. Для того чтобы сделать такую экспертизу, не менее 2000 нормативно-правовых актов надо знать. Я неделю не выходил из кабинета. В среднем до трех ночи сидел. Все перечитал, провел анализ — и в итоге составил обвинение, которое поддержала Генпрокуратура. Но на этом противостояние с «невидимыми» силами не кончилось. Суд просто отказывался принимать во внимание доводы гособвинителя. Мы в середине процесса поняли, что судья готовится оправдать некоторых из фигурантов — мол, нет доказательств (хотя доказательств более чем достаточно). Так в итоге и случилось, но потом вышестоящая инстанция отменила это решение. Но вы понимаете, что значит рассмотреть уголовное дело с нуля, где только описание следственных действий занимает больше сотни томов? Допросить 2,5 тысячи человек? Сямозеро — это одно из самых сложных дел, которые я расследовал за такой короткий промежуток времени. Генеральный директор, зам. генерального директора лагеря осуждены, а руководитель Управления Роспотребнадзора по Карелии, заместитель руководителя и двое инструкторов из этого лагеря, которые бросили тонущих детей, были оправданы. Сейчас дело, к счастью, вернули на новое рассмотрение.

— Какой опыт вы вынесли из этого дела?

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

— Я очень много общался с потерпевшими, с их представителями, мы пытались во всем их поддержать, помочь. Вникали не только в процессуальные вопросы, но и в личные. Чем могли каждому помогли. Был еще один важный результат — провели масштабную работу по оценке деятельности службы 112. Как вы помните, женщина-оператор проигнорировала звонок тонущего ребенка на Сямозере, потому что подумала, что ребятишки балуются. Мы провели следственные эксперименты на местности, поняли, в чем была проблема и что нужно сделать, чтобы служба работала идеально. Теперь оператор отвечает на звонок мгновенно и так же быстро принимает меры. Точно так же по Сямозеру мы анализировали и добились изменений в законодательные нормы, например по организации отдыха детей.

«Попадется следователь, который будет по атомам все расщеплять»

— Сейчас у вас в работе есть какие-нибудь резонансные дела?

— Совсем недавно направил в суд дело членов ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация). Долгое время они совершали убийства и посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов на территории Чечни и Дагестана. Пытались прорваться через границу, уехать на Украину, через Украину в ИГИЛ, в Сирию. Сотрудники ФСБ предотвратили переход через границу, один был нейтрализован на месте, всю группу «вытащили» наружу. Даже таксиста, обычного москвича с блестящей характеристикой, и того вывели на чистую воду. Пока расследовали это дело, выявили еще две аналогичные группы, которые точно так же осуществляли переход через Украину, чтобы уйти в ИГИЛ. Главное, мы нашли человека, который это все организовывал. Канал этот нейтрализован.

Могу с удовлетворением рассказать о раскрытии преступлений, которые в Белгородской области совершала одна очень влиятельная бандитская группировка. Один из обвиняемых очень состоятельный и влиятельный человек — Владимир Владимирович Свет. Он известен и в Курске, и в Белгороде, и в Воронеже, имеет определенный статус. Его банда совершила убийство сотрудника ФСБ в отставке. Мы установили причастность Света. Он приискал киллеров на Украине, своим конкурентам по бизнесу сжигал машины, угрожал. Его личного помощника буквально неделю назад осудили на 9 лет; мы заключили с ним досудебное соглашение, и он дал нам подробную информацию, изобличающую всю банду. На сегодняшний день пятерых человек привлекли к ответственности. Работа продолжается.

— Давайте перейдем к более мирным делам. Слышал, что именно вы расследовали хищение изъятых денег из сейфов МВД.

— Да, причем преступление было совершено за несколько лет до того, как стало об этом известно.

— Что это за деньги?

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

— В 2016 году было изъято огромное количество денежных средств по одному делу в отношении сотрудников Спецстроя, из которых потом был похищен миллион долларов. И представьте, через три года становится известно, что денег нет. А там к этому времени поменялась масса следователей. И мы установили лицо, которое совершило хищение, — старший следователь по особо важным делам следственного департамента. Он был арестован, а дело уже в суде.

— Как вышли на него?

— Когда полученную информацию начали разрабатывать сотрудники ФСБ, понимания того, что произошло и кто это мог сделать, не было абсолютно никакого. Просто проверили все и всех, методом исключения каждого человека, который какое-либо отношение имел к этим деньгам. Выявили весь алгоритм действий, доказали, что это хищение совершил именно этот сотрудник. В том числе вышли на свидетеля, который слышал, как подозреваемый обсуждал с кем-то преступление. К нам даже попала в руки одна очень интересная аудиозапись, на которой тоже обсуждалось то, как он совершил это хищение. Кроме того, этот сотрудник после пропажи денег очень долго был в отпуске, а потом уволился вместе со своим начальником. Путь движения денег мы тоже пошагово восстановили от места изъятия и до кабинета следователя. Когда подозреваемого прижали к стенке, он начал путаться в показаниях, начал менять их.

— Но в итоге он пошел на контакт с вами?

— Во-первых, не забывайте, что это следователь с почти 20-летним опытом работы. Во-вторых, этот человек сделал все возможное, как он считал, для того, чтобы это невозможно было доказать. Но если попадется следователь, который будет по атомам это все расщеплять, тут уже не обманешь. Когда он ознакомился с уголовным делом, сказал: «Я удивлен и признаю ваш профессионализм». А ведь сначала это было абсолютно бесперспективное дело.

— Он успел потратить куда-нибудь украденные деньги?

— После увольнения он постоянно катался за границу, отдыхал, ездил на только что купленном внедорожнике «Лексус», жил на очень широкую ногу. Этот автомобиль — единственная его крупная покупка, оформил его на тещу.

Редакция «МК» поздравляет с праздником всех сотрудников СКР. Всем — побольше раскрытых дел и поменьше «запарок» на работе.

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации

23 Июля 2020

Адрес страницы: https://sledcom.ru/press/interview/item/1483927

© 2007-2024 Следственный комитет Российской Федерации